

зелья и окружая кусочки металла из разрушенного котла. — Пожалуйста, нет, нет, нет! — бормотал Сальватио, положив руки на тело своего крестного отца, не в силах прикоснуться к нему, боясь причинить ему боль, но и не в силах оставаться неподвижным, в то время как что-то в его сознании говорило ему, что Сальватио должен быть в состоянии помочь — каким-то образом, каким-то образом... Но способа не было — и не было никого, кого он мог бы позвать. Да, его родители были благородными. Да, у них были слуги и даже два домовых эльфа, но слуги были дома, а домовые эльфы ушли со своими хозяевами и не смогли бы услышать зов с такого расстояния. Сальватио был один, и кровь его крестного отца медленно пропитывала его одежду. Когда он увидел, что глаза его крестного отца один раз мигнули, прежде чем фигура перед ним, казалось, потеряла даже крошечный остаток своей жизни, внезапно другая, чужая часть его самого поднялась и заполнила его — все еще заключенная за непроницаемыми стенами, но все же там. Его глаза засветились неземным зеленым огнем. — Только не тебя. Я не потеряю и тебя! — шипел он, сжимая кулаки до крови. Сальватио не мог сказать, кого он потерял, но он знал, знал так же точно, как знал свое имя, что он потерял кого-то — и он не потеряет Ника. Один из окровавленных кулаков Сальватио разжался и потянулся к шее, где лежал медальон — медальон, который он носил с того дня, как его принесли в семью. Его кулак сомкнулся вокруг драгоценности, как бы молясь ей. Затем он сорвал его с шеи, отбросив от себя, и посмотрел, как он ударился о противоположную стену и упал на землю. Сальватио не думал об этом жесте, он просто сделал его, не заботясь о том, что цепочка оставила на его шее кровь, или что медальон раскрылся, ударившись о стену. Сальватио, сжавшись над дядей, словно защищая его от невидимой угрозы, молил о чуде. Его руки, дрожащие от страха, скользили по груди дяди Ника, как бы пытаясь удержать ускользающую жизнь. — Ты не можешь умереть, дядя Ник! Только не ты! — шептал он, голос его был хриплым от отчаяния. Взгляд Сальватио упал на рану, зияющую на груди крестного. Он видел, как течет кровь, видел, как бледнеет кожа, и понимал, что даже его мать, искусная целительница, не сможет спасти дядю. В душе Сальватио вспыхнула надежда. Что-то, непонятное, шептало ему, что спасение возможно. Но он был всего лишь двенадцатилетним мальчишкой, его знания были ничтожны перед лицом смерти. — Знаешь, ты мог бы помочь ему, если бы действительно попытался, Сальвазсахар, — прозвучал голос, и Сальватио вздрогнул, резко обернувшись. В комнате, кроме мерцающего огня, никого не было. Лишь тень, плясавшая на стене, казалась зловещим призраком. Сальватио снова обратился к дяде, руки его снова задрожали. — Если ты присягнешь мне, как это делали твои предки, я даже помогу тебе, — прозвучал голос, уже совсем рядом. Сальватио бросил взгляд на дверь, едва заметно колыхающуюся на ветру.